

Сероглазая и Сири́н / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Сероглазая и Сири́н / рассказ СЕРОГЛАЗАЯ И СИРИ́Н

Существует момент, когда прошлое и будущее совпадают по росту, тогда их легко перепутать. Послезавтра, на Садовом, только одна вещь на Сероглазой имела имя, это было короткое красное пальто Burberry, все остальные вещи и штрихи ее гардероба были безымянными и случайными, можно считать, что они и вовсе отсутствовали, настолько ничтожны их, даже не имена, а клички. Получается, шла Сероглазая босиком, в пальтишке на голое тело. Причем, длины хватало, но чтобы сохранить приличие, нельзя было даже поднять руку для рукопожатия – узкий рукавчик поманит боковой шов, краешек подпрыгнет за рукавом, пола пальтеца ухмыльнется и все недозволенное мигнет прохожим.

Послезавтра, на Садовом, засмотревшись на облако, которое прилегло отдохнуть на крыше серой коробки ГАИ, Сероглазая все же заметила высокого мужчину в сизом стеганом плаще. Этот мужчина шел навстречу и внимательно высматривал что-то в ее лице, будто изучая сквозь мутный стакан одному ему известный раствор. Приблизившись к загадочному прохожему, Сероглазая смутилась его тоскливо-болезненного взора, острых скул и впалых щек, как будто знающих голод. Даже ее обычного скачкообразного внимания хватило, чтобы понять: человек находится в плачевном состоянии, он робок, пуглив и зажат. Сероглазой показалось, что он качнулся подойти, но не решился. Вместо этого внимательно прочитал по ее лицу все, что хотел, и прошел мимо.

Кто же еще может так одиноко и печально плыть по Садовому, кто может там внимательно изучать лицо, словно взглядом на всякий случай снимает слепок? Свернув на Дмитровку, Сероглазая поняла, что встретила призрак Сирина и преспокойно упустила долгожданный момент подойти и пожать ему руку.

Она тут же бросилась назад, но по Садовому уже брели другие прихожие, хорошие, но незнакомые и ненужные, а часто такие,

что не дай бог подойти к ним и поздороваться. Хмурые и печальные шли они по Садовому, полируя ботами и туфлями асфальт. А мужчины в сизом стеганом плаще и след простыл. Сероглазая горько всхлипнула: когда теперь еще встретишь Сирина, хотя бы и в виде призрака.

Почему-то встреча, которую особенно ждешь, случается не так, как представлялось. Может быть, слишком много мечтаешь о ней, проигрываешь в уме, отчего заветное объявляется в жизни изношенным и несвежим. Человека, которого высматриваешь в толпе до боли в глазах, словно они усыпаны перцем, знай, встретишь в неподходящем месте, надето на тебе будет не то и не так, смущение помешает его догнать, к тому же ты наверняка сначала не узнаешь его, а он, конечно, пройдет мимо. Вот и Сероглазая послезавтра шла, не видя улицы, и почти плакала от горечи, что упустила Сирина.

Любую встречу, тем более, такую важную, надо уметь заклинить, тогда она нечаянно сбудется, но успех заклинания зависит от прилежности, с которой ты готовишься к встрече и призываешь ее в свою жизнь. Ведь удачное будущее надо тоже уметь накликать и привлечь. Именно поэтому слово Сирина давно было талисманом Сероглазой. Она возила слово Сирина с собой по городам и горам в серебряной клетке размером с портсигар. Чтобы носить слово Сирина у самого сердца, Сероглазая путешествовала в рубашках, со стороны казалось, что в нагрудном кармане у нее сигареты. Очутившись в местах, где красота молча любуется сама собой, а время забылось и задремало, Сероглазая выпускала слово Сирина, чтобы оно летело в тишину альпийского утра, переливалось в розовом отсвете солнца и растворялось над халвовыми горбами гор. Настырное, оно с силой билось в небо, вызывая оползни на вершинах. Кривые деревца испуганно цеплялись за утесы, случайные скалолазы старались задобрить чаркой расшалившихся горных духов. Выпущенное, слово Сирина возвращалось к Сероглазой нечаянно, возникало вблизи бабочек, обгоняло невзрачных прохожих, чтобы прозвучать среди стальных московских крыш и упасть перышком в Камергерском переулке, на одежду дамочки, которая степенно извлекает свое изнеженное тело из Ситроена.

Сероглазая выпускала заветное слово звучать в тишине вечерних киевских подворотен, чтобы оно вернулось неделю спустя, оглушительно шумя крыльями, когда она его меньше всего ждала, среди шума улицы, углубленно изучая скелет разрушенной гостиницы, тающий вместе с лепестками ромашек и обрывками березовой коры на фоне московского неба. У окна в своем кабинете, отвернувшись от экрана, в приступе сомнений, Сероглазая не знала, с кем посоветоваться и звала Сирина, ожидая с минуты на минуту мелькания его седины в листве кленов или тихого треска паркетин, его шагов за спиной. Она тихонько пела слово Сирин, придумывала к нему ласковые детские рифмы или превращала в считалочку, когда сушила перья и вычесывала из души сор.

Однажды она отправилась искать дом Сирина, в надежде, что там устроен музей и можно будет просмотреть его личные вещи: вдруг он оставил какой-нибудь тайный знак именно ей. По кофейному Невскому, по сырым переулкам, вдоль скошенных питерских улочек-манков, что всегда уводят куда-то вбок, Сероглазая бродила по щиколотку в запоздалом апрельском снегу. Третий раз разыскивала адрес на Большой Морской, гадая, почему на его доме до сих пор нет памятной, хотя бы неброской таблички. Тогда-то у нее впервые и мелькнула догадка – не определяет ли забывчивость судьбу.

Уже греясь в пустой и безжизненной комнате, а потом разгуливая по бывшей столовой, у скупых витрин с несколькими фотографиями и копиями писем, она почувствовала, что в эти колючие апрельские заморозки явилась сюда, чтобы убедиться: судьба каждого, как пальто висит и ждет своего владельца где-нибудь на барахолке, в старом шифоньере или на вешалке в темной прихожей. Но иногда не знаешь, сможешь ли справиться пальто или придется довольствоваться курткой. Чьи-то пальто висят стройными рядами в торговых центрах, на рынках, среди удешевленных товаров. Чьи-то скомканные и смятые пальто ждут будущих обладателей и пылятся в комиссионных, храня отпечатки чужих плеч и спин. Сероглазой хотелось найти пальто, сшитое без выкройки, по фигуре, на заказ, но чем больше твое пальто

отличается от остальных, тем больше цена, которую будь готов за него отдать. А Сирин, ведь он сшил себе пальто сам, какое хотел, он был кутюрье своей судьбы и у него неплохо получилось. Именно это Сероглазая должна была спросить у него при встрече – как угадать размер и цвет своего пальто, где покупают ткань, с чего начинать его шить и не мог бы он порекомендовать хорошего закройщика. Не будет же она всю жизнь зябнуть в коротком красном пальтишке Burberry, наверняка, скоро ей совсем надоест эта вещица вертялых студенток и мечтательных девушек с пустыми зрачками.

Сероглазая украдкой заглядывала в душу Сирина сквозь узкую щелку, которую он пожелал оставить для всех, а значит и для нее. Каждый, кто хоть раз заглянул, увидел нечто важное и дорогое в его душе, присвоил и унес с собой. Сероглазой хотелось верить: было в его душе нечто специальное и особенное, что он зашифровал и позволил усмотреть ей одной, именно ей. Хотя бы его умение снимать взглядом слепок. И он брал в ладони руки ее взгляда, медленно, задумчиво направлял их к улицам и лицам, к одиноко стоящей сосне на опушке леса, к девочке, что сидит рядом с бабкой-нищенкой возле метро и кормит голубей, к мотыльку, который влетает случайному прохожему в голову и находит там приют на зиму. Он учил Сероглазую видеть отражения времени в вещах и лицах, дающие яркий отсвет сквозь годы. Но руки ее взгляда были непослушными, они мазали, чудили и частенько отказывались стараться. Сероглазой нравилось перевирать бытие, на что Сирин, наверняка, лишь покачал головой и дрогнул одной из тех улыбок, смысл которых так навсегда и остался не разгадан.

Сероглазая училась у него раздаривать материю жизни тем, кому этого не достает. Так же, как и он дарил манящие ночные огни, эти сокровища, что мелькают за окнами поезда и уносятся в прошлое. Сероглазая дарила всем, кого любит, ценное и ненужное: плетеную хлебницу, розовые ленты, асфальтовый кружок во дворе, на котором когда-то давно кормила птиц, карликового лебедя из сна, тени на улицах чужих городов, кляссер из отменной кожи, где хранила мужские и женские взгляды,

украденные у прохожих.

У Сирина были специальные очки для прошлого, с идеально подобранными, ясными и прозрачными стеклами, их он одалживал любому случайному путнику и однажды нечаянно предложил Сероглазой. Повертев в руках забавную вещицу, заглянув сквозь очки Сирина в свое детство, Сероглазая поняла, настолько точными должны быть стекла, которые делают прошлое искусством. Ведь именно такое прошлое, в конечном итоге, и имеет хоть какой-либо смысл.

Но особенно она была благодарна Сирину за знакомство с Мнемозиной. В первый момент Сероглазая отметила лишь плавную походку, статную худенькую спину, затянутую в темное кружево. Корицу выцветших фото, которую источали ее духи. Чуть позже обратила внимание на грустный мечтательный профиль, прямой точеный носик, какого не бывает у лгунов, почувствовала странное свойство всего облика Мнемозины выворачивать взгляд наизнанку, погружая в трогательную задумчивость, в серую дымку прошлого. Окунувшись в его мутные воды, ты вдруг замечаешь комнатку своего детства и увлеченно, будто шараду, разгадываешь расположение тумбочек и телевизора на черных ножках с серебристыми копытцами. Растревоженный, ты дрожишь, чувствуя, как начинает просыпаться спящий уголок памяти, чья-то прохладная рука тянет тебя все глубже в давно растворившийся, неброский вечер, когда с дачи приехала в сумке плюшевая корова с клетчатой заплатой на боку, и от нее на всю жизнь пахло зимней деревенской сыростью, иконами, снегом. И весь вечер ты грел ее продрогшие лапы, отпаивал чаем, угощал баранками, развлекал задушевной беседой, какие и полагается вести с хранителями твоих детских снов.

Познакомившись с Мнемозиной, как всегда, когда осваиваются с новыми людьми, Сероглазая некоторое время была послушной, обращалась на Вы, старательно выполняла все ее просьбы. Мнемозина нечаянно увлекла ее страстью к старым вещам, Сероглазая научилась часами рассматривать содержимое своего давно утраченного школьного портфеля, находя там тетрадки по

русскому, ключ от старой квартиры, ручку с засохшим стержнем. Мнемозина всегда помогала ей отыскать в истрепанной ткани прошлого кусочек крепкой, яркой материи, какой-нибудь звенящий летний дворик со скамейками, качелями, аккордеоном и пьяным смехом соседки. Мнемозина отбирала эти маленькие лоскутки прошлого и бережно хранила его мелкие детали, завитки, аккуратно, без складочек и загибов укладывая в дорожные саквояжи, с таблетками от моли и тлена, чтобы содержимое надолго оставалось живым. Однажды Сероглазая стала подозревать, что именно из этих разрозненных, пестрых лоскутков прошлого и шьются пальто судеб.

Год спустя она оказалось на Садовом в коротком красном пальтишке Burberry. К тому моменту самые яркие эпизоды прошлого уже превратились в лоскутки судьбы, а все остальное стало маленьким, личным, закрытым от посторонних глаз и ушей. И тогда Сероглазая взяла Мнемозину-Зину за руку и потащила распускать время и наматывать его на пустые переулки-веретена Пятницкой. Сероглазой нравилось, как Мнемозина-Зина смеется, нравились эти искристые живые глаза. Сероглазая дала ей почувствовать прозрачность и тепло переживаемого сейчас. Заставила вдохнуть два вдоха вместо одного и испытать головокружение. Они повернули души лицом к уличному ветру. Было так хорошо, что обе твердо решили никому об этом не рассказывать и никогда об этом не вспоминать, чтобы не спугнуть судьбу.

Вечером, когда этот долгий день стал прошлым и прожитым, они наврали разным знакомым разное относительно этого дня, так ничего не раскрыв, а лишь украсив прошлое-тайну множеством невероятных подробностей.

Отныне сквозь очки Сирина для прошлого Сероглазая все чаще изучала свои мечты. Намного ценнее и красочнее любых воспоминаний для нее стали сны и вспышки случайных озорных фантазий, которых, как редких бабочек надо быстро ловить на лету и хранить в особых рамках, позволяющих дышать и оставаться живыми. Потом Сероглазая попробовала переписать

свое прошлое набело, до неузнаваемости перекрасив и поменяв местами все его лоскутки. И вдруг оскорбленная этим Мнемозина-Зина хлопнула дверь и ушла, так и не узнав, что воспоминание тоже можно придумать, не для корысти, не от излишней осторожности, а как заклинание, чтобы долгожданная встреча состоялась. Ведь когда сужаешь пройму прошлого, по закону портняжных ножниц, будущее лишается тесноты и становится свободным.

Сероглазая еще не раз пыталась перетрясти нежелательные фрагменты прошлого и аккуратно заштопать его, но это оказалось довольно нудным и будничным делом. Тогда она попросту заменила некоторые лоскутки пережитого яркой материей, раз и навсегда прояснив, какие именно дни ей неприятны. Она продолжала всюду возить с собой слово Сири́н, шептала его как заклинание, растворенное в воздухе, училась глубже вдыхать это слово, а вместе с ним и саму жизнь во всей ее строгости и пестроте.

Не удивительно, что через много-много лет Сероглазая и Сири́н все же оказались вдвоем в маленькой темной кофейне на Невском. Никто из редких посетителей так и не понял, что один из них давным-давно призрак, а другой вот-вот таким станет. Пальто их судеб висели на костяной вешалке, касаясь плечами и удивительно отличаясь одно от другого, ведь были сшиты по индивидуальному заказу у Мнемозины, этой великой закройщицы и кутюрье судеб. Пригнувшись над столиком, они конечно шептались о той, кого обожали: Сири́н, который был верен Мнемозине-Зине до конца своей жизни и Сероглазая, которая старалась обманывать Зину и изменяла ей при всяком удобном случае. И, конечно, им было, что рассказать друг другу.

Об авторе: УЛЬЯ НОВА (Ульянова Мария)

Родилась в Москве. С отличием окончила Литературный институт им.А.М.Горького. Автор шести книг прозы, в том числе романа «Собачий царь». Роман «Лазалки» переведен на болгарский язык. Рассказы, повести, стихи в разные годы публиковались в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Юность» и т.д. В

настоящее время живет в Риге. Некаўатар